

На лыжах — в Великий Устюг

В нашем десятом классе средней школы №3 города Котласа было двадцать девочек и восемь мальчиков. В последние зимние каникулы ребята решили испытать себя: по незнакомому левому берегу Двины на лыжах за один день дойти до Великого Устюга! Это более 72 километров по прямой, а реально по снегу дорога получается длиннее. Следующий день — отдых в Устюге, и за третий день вернуться домой!

Руководитель класса Юрий Иванович Ляпустин, три года назад окончивший институт, бывший артиллерист, потерявший на войне три пальца руки, но не ушедший из армии до Победы фашизма, поддержал наше решение. Директору школы удалось связаться с одной из школ Устюга и договориться о ночлеге восьми ребят. Но буквально за сутки до нового 1952 года из Устюга пришла телеграмма: «Аварийная ситуация в отоплении, принять ваших ребят не имеем возможности». Нас стали отговаривать от похода, но мы — ни в какую: пойдём и всё! Нашим спасительным доводом оказалось то, что в Великом Устюге в своём доме жила родная тётя одного из нас — Алика. И тётя, Анна Ивановна, согласилась принять всех друзей любимого племянника.

Новый год оказался на редкость морозным — температура опустилась ниже тридцати. Родители отговаривали нас от похода. Но мы стали ждать более комфортной погоды. Через неделю потеплело до минус пятнадцати — можно идти! Осталось пять дней каникул. Решили выйти в воскресенье 6 января в 6 часов утра. Накануне, ранним вечером, ко мне пришли почти все девочки нашего класса во главе с Виктором, девятиклассником, которому нравилась наша умица Рита Мелентьева. Девочки, оказывается, очень переживали за нас в эти морозные дни, боялись, что поход сорвётся. Когда узнали, что он состоится, решили обойти всех ребят и пожелать нам лёгкой лыжни и счастливого возвращения домой! Они рассказали, что заболел ангиной Юрий Скорюков. Нас стало семеро. Я оказался предпоследним в таком обходе. Девчата были в приподнятом настроении и хором спели несколько куплетов весёлой песенки «Миленький ты мой». Мужскую партию исполнил Виктор, который в школе был первым тенором. Весёлая компания хором произнесла массу пожеланий и поспешила удалиться, чтобы я пораньше лёг спать перед дальней дорогой. Уходя, Рита отозвала меня и протянула небольшой пакет. «Это наши девичьи секреты и пожелания. Спрячьте письмо в расщелине или дупле сосны перед Устюгом. И, пожалуйста, не берите на обратном пути. Прочитаем его когда-нибудь вместе, после окончания школы. Ты меня понял? — очень волнуясь, проговорила Рита. — Мы доверяем вам свою тайну!» «Я исполно...», — только и успел ответить я, как Рита скрылась за дверью. Отданный пакет содержал почтовый конверт, тщательно завернутый в прозрачную, непромокаемую кальку. Сквозь неё читалась надпись: «Ребята 10-го класса». Я спрятал пакет во внутренний карман походной телогрейки.

Назавтра мама разбудила меня примерно в половине пятого утра. За ночным окном было слышно завывание метели. «Рудик, на улице страшная пурга, даже у калитки намело небывалый сугроб. В такую погоду на лыжах не ходят!» — тревожно сообщила мама. «Хорошо, мамочка, я пойду на место сбора и там мы всё решим», — как можно спокойнее ответил я. Выпил стакан горячего чая с творожной шанежкой, ис-

рил нам в лицо и грудь с невиданной силой. Я, лучше других знавший городские окрестности, пошёл первым, направляясь к едва заметной колокольне церкви Святой Троицы, расположенной на противоположном, левом берегу реки, в селе Вондокурье. До церкви по прямой около трёх километров. Далее предстояло подняться на заречный луг и идти навстречу ветру до насыпи железной дороги, пересекавшей луг

Котлас. В городском парке.

печённой мамой накануне, затем быстро оделся. Почему-то она уверилась, что поход не состоится. «Если я не вернусь в течение часа, то мы ушли», — сказал маме.

На тёмной улице было, как говорили у нас, «представление века»: сильный юго-западный ветер поднимал охапки снега и бросал его в темноту. Сейчас метель била мне в спину и, выйдя из калитки, я надел лыжи. Слово под парусом меня несло к высокому берегу Двины, где у спуска была назначена встреча нашей команды. Видимость была несколько метров, хотя кое-где в снежном тумане вдоль забора горели фонари. Именно у фонаря я увидел прижавшиеся к забору две фигурки. Это были мои друзья Алик и Мишка. Мы поздоровались. «Ура! Нас уже трое!» — прокричал Алик. «Ещё должно быть четверо: два Анатолия, Боря и Лёня. Юра заболел ангиной», — сообщил я.

Через несколько минут подошёл Борис, а за ним и остальные. Мне было приятно такое единодушие. Но всё же я спросил: «Друзья, сегодня погода не для похода. Что будем делать?» «Мы решили уже месяц назад, об этом знает вся школа, — резко ответил заместитель старосты класса Борис. — В Устюг надо идти». «Верно Боря, иначе позднее нечего будет вспомнить, кроме стыда», — поддержал Бориса Толя Плюсин, будущий военный разведчик. «Пойдём!» — заглупевшая метель, хором ответили мои одноклассники и стали спускаться к реке. На покрытой снегом родной Двине бушевала пурга. Снег уда-

возможно. Лыжи натерли парафином. Для холодной погоды, как говорили, «лучше и не надо».

Я вспомнил о шанежках, положенных мамой в большой боковой карман моей телогрейки. Раздал ребятам. Оказалось, что большинство не завтракало. Пришлось взять булочки из «неприкосновенного запаса», купленного по договорённости и находящегося в рюкзаке Бориса. В нём, одном на всю команду, также были два льняных полотенца, кружка, бинты, йод, пара коробочек драже витамина «С», булочки, спички и прочные верёвочки на случай ремонта лыжных креплений. Из нас никто не курил, только иногда баловались «за компанию». Договорились: папирсы не брать. Деньги, собранные на питание, доверили Борису. Каждый участник имел перочинный ножик. Я взял маленькую записную книжку, в которой отмечал события похода. После съеденных шанежек и булочек, принятого витамина все повеселели. «Пора в путь-дорогу», — напел Алик, и мы двинулись вдоль насыпи. Перешли у станции Ядриха железнодорожные пути и вышли на древнюю дорогу вдоль Двины к Великому Устюгу. Было восемь часов, ветер немного осла-

бел, но метель продолжалась.

Дорога, по которой ходили и ездил ещё наши предки, оказалась занесённой сугробами снега метровой высоты. Будто высокие волны вставали они навстречу нам. Уже светлело и мы разрезали эти волны, погружаясь до колена в мягкий снег. Через каждые 15 минут менялся ведущий. Наступал день и нас удивляла пустая дорога — ни лошадиной поволоки, ни трактора или вездехода. Около 10 часов метель практически затихла, но ослабевший ветер по-прежнему дул нам в лицо. Всем очень хотелось пить, но кругом был только белый снег. Вдруг на горизонте, слева, стали постепенно выглядывать крыши домов деревни, протянувшейся вдоль дороги.

Деревня отделила нас от бескрайних лугов вдоль реки. Она оказалась совершенно безлюдной — не встретили никого из её жителей. Мы послали на разведку Бориса. В крайнем доме замка на двери не оказалось, но в дверную ручку была вставлена палка — никого нет дома. Аналогичная ситуация повторилась во втором, третьем и четвёртом домах. В то время мы, уходя, закрывали свою квартиру, дом на крепкий замок. А здесь вместо замка — палка! Пятый дом был самым большим в деревне — пятистенным. Кроме четырёх стен имела ещё одна, разделявшая дом на две неравные части. Меньшая имела на передней стене два окна, большая — три. К счастью, двери были не заперты. Боря позвал меня и постучал в дверь. Вышла девушка лет шестнадцати и пригласила

пройти через сени в избу. В избе было тепло и светила большая керосиновая лампа, висевшая в середине комнаты. Деревянный, некрашенный, но чисто вымытый пол был большей частью застелен самоткаными ковриками. На них с игрушками сидели, лежали маленькие дети и, прервав игры, смотрели на нас широко раскрытыми, удивлёнными глазёнками. Вдоль стен стояли широкие лавки. Дети постарше расположились за длинным столом, стоявшим у передней стены. «Это колхозные ясли и сад, — сказала девушка. — Школьники учатся и живут в главной усадьбе колхоза. Сейчас колхозники на лесозаготовках, а мы с бабой Настей, хозяйкой этого дома, и няни, и воспитатели, и повара. Родители приезжают редко, если только на воскресенье. Завтра Рождество Христово и они приедут, наверное, сегодня к вечеру». На разговор из-за большой русской печи вышла баба Настя, приветливо поздоровалась и спросила: «С чем пожаловали?» Услышав нашу просьбу, напоила всех нас настоем шиповника и пожелала лёгкой дороги.

После витаминной настойки мы с удвоенной энергией продолжили свой путь. Было известно, что скоро будет большой посёлок Приводино, знаменитый своей неповторимой сосновой рощей и глубоким оврагом с пологими берегами, спускавшимся к Двине. В Приводино мы собирались пообедать в местной столовой.

Вдали показались вершины величавых сосен, а чуть правее — и первые строения посёлка. Ветер совсем утих, выглянуло слепящее глаза солнце. Мы подъехали к началу спуска дороги в овраг, поросший корабельными соснами. Создавалось впечатление, что овраг в луговом просторе создан человеком, который посадил здесь сотни сосен, флюиды смолы которых не уносили ветры, и воздух густо наполнялся ими. Остановившись наверху, мы полюбовались творением природы и посмотрели, как местные ребята на лыжах ловко снуют между стволами вековых деревьев. Спускаясь, вдыхали этот сосновый аромат, и усталость покидала нас. Оказалось, метель не бушевала в овраге — дорога и тропинки не были завалены снегом. У первого встреченного мужчины спросили: «Где здесь столовая?» «Наша единственная столовая закрыта — заболел повар, — с сочувствием ответил он. — Магазин тоже почти пуст, завтра — Рождество!»

После такого известия решили закусить оставшимся «неприкосновенным запасом», а пообедать в городе Красавине. Мы уже прошли почти 25 километров и до Красавина осталось около 20 километров. Ветер утих и часа через два должны были в Красавине. Поднявшись на высокий берег Двины, простились с уникальной рощей и ускорили свой ход. Справа от дороги была скромная вывеска: «Вологодская область» — там находились и Красавино, и Великий Устюг.

(Окончание следует)

Рудольф ТЮКАВИН